

Нормативный контекст в современной немецкой медиасреде

Общественно значимые представления о человеке, его культурном ареале, социальных связях, его правах и свободе ясно сформулированы как в Хартии ЕС, так и в основном законе Федеративной Республики Германии. Однако было бы логичным говорить о неких критериях нормальности, элементах соответствия тому социуму, в котором действуют те или иные правовые нормы. Подобный общественный нормативный контекст охватывает все общественные институты, включает в себя представления всех социальных групп о мире и человеке и имеет обратное влияние на сознание каждого отдельного индивида в каждой мыслимой сфере деятельности, в том числе и медиасфере. Влияние контекста норм не только сказывается на структуре информационного контента, способе его трансляции, специфике форм и типов, но и характеризует всю медиасистему в целом — в рамках того или иного региона, страны и союза государств. Нормативный контекст непременно должен определяться представлением человека о его национальной самоидентификации; социальной средой; культурным ландшафтом и географическим ареалом; представлением о правах и свободах. Без учета этих важных критериев сам факт приверженности немецкой медиасистемы западным ценностям и европейским правам, высокий рейтинг страны в отношении гражданских свобод в целом не объясняют специфики немецкого журнализма.

Ключевые слова: культурный ареал, социальные связи, права и свободы, критерии нормальности, журнализм, нормативный контекст.

Socially significant ideas about the individual, his cultural and social ties, his rights and freedom are clearly formulated both in the EU Charter and in the basic law of the Federal Republic. However, it would be logical to take into consideration some criteria of social normality and compliance with the society in which certain legal norms operate. Such social normative context covers all social institutions, includes the ideas about the world and individual of all social groups, and has an inverse effect on the mentality of each individual in every field of activity, including the media sphere. The influence of the normative context affects not only the structure of information content, the way of broadcasting, the specifics of forms and types, but also characterizes the entire media system — within a particular region, country or union of states. The normative context must be necessarily determined by the individual's idea of national self-identification; social environment; cultural landscape and geographical area; the vision of rights and freedoms. Without taking these important criteria into account, the fact of the German media system's adherence to the Western values and European rights, and the country's high rating in respect to civil liberties do not explain the specifics of German journalism.

Keywords: cultural area, social ties, rights and freedoms, criteria of normality, journalism, normative context.

В издательстве Piper в 2006 г. вышла книга молодого немецкого автора, врача по образованию и несомненной медийной фигуры, одного из главных акторов реформаторской сцены Берлина, Якоба Хайна «Господин Йензен выходит». «Роман этот проникает своим повествованием непосредственно в смысловой вакуум современности» — так отозвалась о книге *Neue Zürcher Zeitung* [10]. В основе сюжета — трагикомичная судьба молодого человека, вечного студента Йензена, чья жизнь складывается по прихоти нелепого бюрократического аппарата. Желание господина Йензена занимать свое скромное место под солнцем, его неангажированность, сознательное отдаление от социума ставит его в глазах окружающих на грань нормальности. Вытесненный из профессии, оказавшийся в вынужденной изоляции, молодой человек волею случая выступает в роли аналитика общественной деятельности и исследователя СМИ. Все свое свободное время бывший студент посвящает изучению программного контента телеканалов, скрупулезно отсматривая все возможные ток-шоу и иноформатные программы отечественного телевидения, превращая праздность в научный подвиг. Он ведет запись программ, пересматривает их много раз, силясь ухватить то нутряное, что, по его предчувствию, объединяет, связывает в единое целое некой общей задачей разномастные теледискуссии, интервью со звездами, кулинарные и прочие ток-шоу. Количество переходит в качество: в миг озарения господин Йензен приходит к ошеломляющему выводу и спешно фиксирует результат: суммарный контент сам по себе не является ни обучающим, ни сугубо развлекательным или развращающим, ни просветительским

или душеспасительным, однако отсутствие, на первый взгляд, ясных целей и задач есть иллюзия: основой и базой всего суммарного медиаконтента есть определение границ нормы.

Эти кажущиеся уклоняющимися от темы дискуссии с содомитами и гомосексуалистами указывали, где проходит граница, обозначали пределы, за которые нельзя было заходить. Каждый, кто эти границы не преступал, мог смело исходить из того, что поступает в соответствии с нормой.

Вот что выяснил господин Йензен. И он пометил себе на листочке, что в связи с этим следует считать нормальным:

Следует ходить на работу.

Следует иметь женщину или хотя бы регулярный секс.

Следует обзавестись друзьями.

Следует знать модные тенденции.

Следует понимать кое-что в музыке.

Следует быть жизнерадостным.

Следует иметь деньги.

Следует быть красивым.

Следует как-то саморазвиваться.

Следует мечтать.

И господин Йензен вынужден был констатировать, что он не был нормальным [5. S. 83] (перевод мой. – А. С.).

Безусловно, нормы, о которых явно сатирически высказывается Якоб Хайн, не являются нормами правового поля и не прописаны в основном законе, хотя все-таки, несомненно, коррелируют с основополагающими правовыми документами европейского сообщества. Общественно значимые представления о человеке, его культурном ареале, социальных связях, его правах и свободе ясно сформулированы как в Хартии ЕС, так и в основном законе Федеративной Республики Германии. В случае же «синдрома Йензена» было бы логичным говорить о неких критериях нормальности, элементах соответствия тому социуму, в котором действуют те или иные правовые нормы. Подобный общественный нормативный контекст охватывает все общественные институты, включает в себя представления всех социальных групп о мире и человеке и имеет обратное влияние на сознание каждого отдельного индивида в каждой мыслимой сфере деятельности, в том числе и медиасфере. Нормативный контекст как один из многих взаимообусловленных контекстов в журнализме определяют Зигфрид Вайшенберг и Клаус Майер, характеризуя его как совокупность исторических и правовых основ журналистики, ее традиции и принципы коммуникации, культурные и профессиональные стандарты [8. S. 67–96]. При этом Клаус Майер отмечает, что воздействие нормативного контекста в медиасфере распространяется на все остальные контекстные уровни. Всеобъемлющее влияние контекста норм не только сказывается на структуре информационного контента, способе его трансляции, специфике форм и типов, но и характеризует, по мнению исследователя, всю медиасистему в целом — в рамках того или иного региона, страны и союза государств. В зависимости от нормативно-контекстуальной базы такие медиасистемы подразделяются на несколько типов; наиболее часто выделяют следующие: либерально-демократический; социально-ответственный; авторитарный; тоталитарный [Ibid. S. 88–89].

Примечательно, что если изначально нормативный контекст справедливо рассматривается К. Майером как часть культурной традиции страны и общества, то в ходе дальнейшей разработки данной проблематики происходит неуволимая подмена понятий: нормы и стандарты европейского сообщества в медиасфере критерияльно приравняются к «нормальности», т.е. единственно верному нормативному контексту. В этом случае оптимальным типом медиасистемы является демократический тип (либерально-экономический или социально-ответственный), характеризующийся принципом свободы коммуникации и прочими европейскими правовыми нормами, западными ценностями и традициями, что делает возможным «борьбу за правильную медиасистему» в той части мира, где ее почему-то нет. Естественно, что в данном случае можно говорить также и о рейтинге тех или иных стран в зависимости от их приверженности нормам журнализма и «свободе коммуникации».

Таблица

Доступ людей к политическим правам и гражданским свободам в 210 странах и территориях

Country	Total Score and Status	Political Rights	Civil Liberties
Abkhazia*	40 Partly Free	17	23
Afghanistan	27 Not Free	13	14
...			
China	9 Not Free	-2	11
Costa Rica	91 Free	38	53
Crimea*	7 Not Free	-2	9
...			
Georgia	60 Partly Free	23	37
Germany	94 Free	39	55
Ghana	82 Free	35	47
...			
Poland	82 Free	34	48
Portugal	96 Free	7	18
...			
Qatar	25 Not Free	7	18
...			
Republic of the Congo	20 Not Free	2	18
Romania	83 Free	43	48
Russia	20 Not Free	5	15
...			

Источник: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores>.

Стоит обратить внимание, что нередко при этом используются доказательства довольно сомнительной достоверности, как, например, отсылки к данным неправительственной организации Freedom House (табл.).

Ежегодные доклады «Свобода в мире» публикуются Freedom House с 1978 г., в них анализируется ситуация в различных государствах, которым (в зависимости от положения дел с политическими правами и гражданскими свободами) присваиваются соответствующие рейтинги, страны подразделяются на «свободные», «частично свободные», «несвободные». Для подготовки докладов используются сообщения местных (прежде всего оппозиционных) и международных СМИ, данные правозащитных организаций и личные наблюдения экспертов; при этом оценивают государства всего по двум критериям: политические права; гражданские свободы (свобода мнения, собраний, независимость СМИ, права меньшинств и др.).

Из приведенной таблицы видно, сколь причудливые результаты может давать подобный анализ: Российская Федерация признается несвободным государством наряду с Республикой Конго с рейтингом свободы ниже, чем у Катара и Колумбии. Менее свободным государством считается только Китай. Курьезным является также тот факт, что Абхазия и Крым фигурируют в рейтинге как самостоятельные государственные образования, причем последний рассматривается как тотально несвободный оккупированный регион. О несовершенстве такого типа аналитики высказывались многие исследователи, в том числе и профессор политологии Дэвид Трейсман, писавший в своей книге «The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev»:

Насколько несовершенная демократия или мягкий авторитаризм, которые мы наблюдаем в России, отличаются от режимов в других странах, близких к уровню экономического развития России? Для более систематического сравнения требуется международная метрика. Как минимум приемлемый межнациональный рейтинг демократий должен уметь различать тип системы, наблюдаемой в России, и правительство федерации династических монархий, свободное от каких бы то ни было ограничений, как в Объединенных Арабских Эмиратах. Это исключает индекс Freedom House. Вместо этого я делаю сравнения, применяя широко используемую базу данных Polity IV, составленную группой политологов; при этом оцениваются авторитетные характеристики национальных режимов по 21-балльной шкале от -10 (чистая автократия) до +10 (чистая демократия) [13. P. 352] (перевод мой. – А. С.).

Тем не менее использование данных, подобных рейтингам Freedom House, в качестве основания европейского контекста норм как единственно правильного, несомненно, является причиной того, что целый ряд сообществ оказывается за рамками нормы и, соответственно, нормальности, т.е. неевропейские социумы оказываются пораженными «синдромом Йензена».

Предположим, что подобного казуса можно избежать, если точнее определить суть и структуру нормативного контекста в журнализме, не отрицая, впрочем, сказанного. Нормативный контекст, по нашему мнению, непременно должен определяться:

- представлением человека о его национальной/этнической самоидентификации (национальная идентичность);
- социальной средой (социальная и гендерная идентичность);
- культурным ландшафтом и географическим ареалом («культурный код» и понятие Родины);
- представлением о правах и свободах.

Таким образом, нормативный контекст представляет собой основу, позволяющую людям совместно быть, решать и действовать, включая в себя все контекстные уровни в медиасфере, такие как:

- публичный контекст или контекст аудитории (Kontext des Publikums);
- организационный контекст (Organisationskontext);
- контекст журналистской практики (Kontext der journalistischen Routinen);
- ролевой контекст (Rollenkontext).

Действительно, как полагает К. Майер, нормативный контекст распространяет свое влияние от периферии к центру, т.е. от социально общего (контекст нормы и публики) до сугубо частного (ролевой контекст) [8. S. 69].

Если рассматривать немецкий нормативный контекст в указанном ключе, то откроются любопытные детали, которые показывают, что сам факт принадлежности немецкой медиасистемы к социально-ответственному типу, ее приверженность западным ценностям и европейским правам, высокий рейтинг страны в отношении гражданских свобод в целом не объясняют специфики немецкого журнализма.

Национальные чувства не приветствуются в Германии. Даже использование исторической символики в ходе массовых мероприятий порождает острые дискуссии в обществе о правомочности подобных действий. Хобби-историки на платформе YouTube записывают пояснительные ролики, разъясняющие публике, почему демонстрация, к примеру, имперского черно-бело-красного флага образца 1871–1892 гг. не является преступлением [3].

Разумеется, тема Второй мировой войны, и особенно трагедия Холокоста, — главная реперная точка в различного рода общественных дискуссиях. Следует также напомнить, что отрицание Холокоста является уголовным преступлением в ФРГ. Национальное табуировано в немецком обществе; быть немцем сейчас значит не больше, чем просто иметь немецкое гражданство. Общество приняло за последние десятилетия большое число мигрантов со всего света, потомки которых считают себя немцами и которые, как показала недавняя дискуссионная подборка статей в *Die Zeit*, возмущены самой возможностью усомниться в их принадлежности к немецкому социуму [4; 12], хотя их внешний вид провоцирует многих на неполиткорректные в современной Европе вопросы: откуда ты родом и откуда ты приехал? Нельзя сказать, что в обществе нет запроса на национальное чувство и национальную гордость. Современное поколение молодых немцев, так называемое поколение Меркель, хотело бы гордиться Германией и даже негласно гордится ее экономической мощью и политическим весом, ее ролью в современном мире. Молодые люди искренне полагают, что на них нет ответственности за дела минувших лет, что все грехи нацистов давно пора сложить в ящик и убрать подальше, ведь у каждой нации свои скелеты в шкафу. Они полагают, что «по поводу преступного прошлого не следует нервно реагировать, а, скорее, рассматривать его как часть общей истории» [7].

Однако подобное мнение не стало еще частью медийной нормы, где по-прежнему единственной идеологией считается антinationализм и даже отчасти глобализм, когда «новый мир... склеивать воедино будут общая культура и общие интересы» [22. С. 254].

Быть патриотом в Германии сложно, т.к. само понятие Родины, Отчизны в современном немецком обществе неконкретно и мифологизировано. «Ich hatte einst ein schönes Vaterland...» — писал поэт и политический изгнанник Г. Гейне в 1832 г., вспоминая свое Отечество, связывая свою любовь к нему в первую очередь с родным языком. Эта тенденция нашла поддержку среди

интеллигенции XX в., которая, пережив ужасы нацизма, подобным же образом отождествила пространство родного языка с Отечеством. Генрих Бёльз в своих интервью неоднократно подчеркивал, что быть немцем для него означает принадлежать миру немецкого языка [1]. В XXI в. само слово «отечество», как замаранное в контексте лозунгов нацистов, а позднее и ультраправых радикалов, практически выходит из употребления, на смену ему приходит аполитичное понятие «Heimat» (родина), привязанное к индивидуальному месту рождения, изредка обобщенное до «Heimatland» (родная страна), и даже в среде правых консерваторов слово «отечество» (Vaterland) не используется на публике (так, например, в тексте гимна партии «Альтернатива для Германии» используется все-таки слово «Heimat» [17]). Однако и понятие «родина» не может уже восприниматься в современной немецкой медийной среде, в «дивном новом» глобализированном пространстве в прежнем, исходном значении. Отсюда представление о родине как о мифическом пространстве, как о стране, существующей только в сознании индивида. «Своя личная страна, на которую, может быть, и повлияли те места, где мы выросли, но не только они одни. <...> Страна — мозаика, населенная мечтами, воспоминаниями и надеждами, всем, что у нас есть или было»¹, — размышляет Лара Шульте в своем эссе «Третья страна» [11. S. 10]. Родина больше не географическое, не политическое и даже не языковое понятие — это химера, конструкция из разрозненных элементов, составляющих современное европейское сознание, в том числе и в Германии.

Закономерным образом все это культивирует в обществе и, соответственно, в медиасреде предельный субъективизм, возводимый в ранг общезначимого; единственно возможным пространством становится индивидуально-личное пространство вкусов, взглядов, мнений. При слабом влиянии таких элементов нормы, как национально-территориальная самоидентификация, на первое место выдвигается персональная гендерная самоидентификация, которая отныне рассматривается не как данность, но как некий критерий соотнесения, неконстантная категория, подлежащая произвольной корреляции. Гендерная идентичность, как приоритетная в немецком нормативном контексте, обнаруживает себя весьма амбивалентно: и как сексуальность, зачастую претворяющаяся в сексуализм, и как асексуальность, граничащая одновременно с сексизмом. В немецкой медиасфере полноценное владение собственным телом воспринимается как благое начало, изучение собственной сексуальности во всей ее полноте, отрицание и ниспровержение всякой табуированности в этом вопросе приравнено к прогрессивному и просветительскому началу, что является, в свою очередь, базовой ценностью «западных демократий». Сексуальное просвещение, например, в детской среде уже давно переместилось из средней в начальную школу, что находит поддержку в СМИ и считается прогрессивным, с чем не пытаются спорить даже такие ироничные и критические умы, как немецкий журналист и писатель Ян Вайлер, автор довольно известной серии очерков о жизни детей и подростков, публиковавшейся с 2007 г. в авторской колонке «Моя человеческая жизнь» в журнале Stern, а с 2009 г. в газете Welt am Sonntag. В своем очерке «Секс и поэзия» («Sex und Poesie») Ян Вайлер сетует на то, что современная молодежь далека от поэзии и возвышенных чувств, но куда больше информирована в сексуальных вопросах. Вспоминая лапидарность уроков «полового просвещения» из собственного школьного прошлого, автор с присущим ему юмором описывает «сексуально-педагогический воркшоп» своего семилетнего сына, в рамках которого разыгрывается процесс оплодотворения яйцеклетки, в роли которой выступает скучающая девочка Маделене, мальчиками-«спермагентами» (одного из них играет его сын). «Что ж, нечего сказать, я вынужден признать, что мой тогда еще семилетний сын был гораздо лучше информирован, чем я. В его годы я понятия не имел о том, что такое цервикальная слизь. Я только писал в Сонином поэтическом альбоме: “Только солнечные дни в моем сердце сохрани” и рисовал рядом цветочек», — иронизирует автор [16. S. 83].

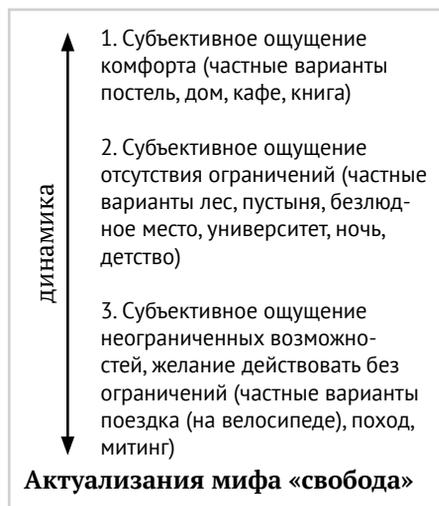
¹ «Ein ganz persönliches Land, das vielleicht von Orten, an denen wir aufgewachsen sind, geprägt ist — aber eben nicht nur. <...> Ein Land wie ein Mosaik, gefüllt mit all den Träumen, Erinnerungen, Hoffnungen, die wir haben und hatten».

Персональная гендерная самоидентификация как норма находит свое отражение в правовой сфере: современные родители не могут отказать своему ребенку в раннем сексуальном просвещении, т.к. это нарушение прав ребенка на обучение может караться штрафом и возможным вмешательством ювенальной юстиции [9; 14; 15; 18]. Законодательно закреплены и права сексуальных меньшинств, однако гораздо важнее то, что эти права задолго до их оформления рассматривались как соответствующие общеевропейскому нормативному контексту. Как нормативный акт можно расценивать и отказ от собственной сексуальности как некий предел в ее исследовании и освоении. И если существует «истинный пол» [2], для обоснования которого в СМИ изыскиваются биологические псевдонаучные детерминанты, то также оказывается возможным и нормальным бесполое существование. Широко в немецких СМИ освещался поступок «художника» из Японии Мао Сугияма, добровольно отказавшегося от своего пола. Примечательно, что его решение, хотя и представлялось как некий радикальный творческий акт, тем не менее органично вписывается в рамки новой европейской нормальности. По словам Мао, он «никогда не хотел быть мужчиной, равно как и женщиной... и всегда, с самого детства, считал поляризацию между мужественностью и женственностью весьма опасной». Таких, как он сам, довольно много, просто не у всех хватает духу признаться в этом, констатирует он [6]. «Гендерность» предстает здесь как предмет перформанса и, таким образом, органично сочетается с апологетикой личного пространства и принципами актуализации представлений о свободе.

Свобода как понятию и чувственному образу в немецкой медиасреде уделяется львиная доля внимания — от рассмотрения гражданских свобод в демократических и недемократических обществах до выпуска на свободу медведей коала в Австралии. Тем не менее следует признать, что восприятие феномена свободы в немецком социуме (и, как следствие, в медиасреде) неоднозначно и во всяком случае далеко от чисто понятийного. Скорее, можно охарактеризовать восприятие свободы как актуализацию мифологемы, проходящую через ряд этапов [21]. Уровни актуализации мифореальности свободы можно было бы представить согласно следующей схеме.

Частные варианты образов трех основных этапов мифической актуализации выявлены в текстах респондентов — участников экспериментального опроса. Была применена следующая методика обнаружения мифической компоненты в интерпретации феномена свободы в культурном пространстве: участникам опроса, студентам Берлинского университета (средний возраст 18–22 года), были предложены два вопроса, на которые необходимо было ответить по возможности кратко (всего на тестирование отводилось 5–10 минут): *Что вы понимаете под словом «свобода»? Приведите пример из жизни, когда вы были свободны.*

Возрастные предпочтения при выборке респондентов были неслучайны, т.к. отсутствие сколько-нибудь значительного жизненного и образовательного опыта может особенно четко продемонстрировать дивергенцию понятийной интерпретации (ответ на вопрос 1) и чувственного опыта мифической актуализации (ответ на вопрос 2), что и подтвердилось на практике. В подавляющем большинстве случаев разрыв между теоретическими знаниями о значении слова и его субъективно-чувственным восприятием оказывался очевидным и значительным. Примерно 20% немецких респондентов не продвинулись дальше первого уровня актуализации, отождествив свободу и комфорт. Около 64% немецких студентов актуализируют свободу как институциональное отсутствие каких-либо ограничений, в то время как «свобода воли» — несомненная экзотика: самое мужественное действие в их глазах — путешествие автостопом.

В немецкой медиасреде подобная интерпретация свободы тесно связана с личным, индивидуальным выбором действий, направленных непосредственно на самого субъекта: ограничений нет, если это затрагивает лишь интересы и судьбу самого индивида (например, смена пола, смелые татуировки, выбор экзотических профессий и др.). Такая «свобода действий» горячо приветствуется и тиражируется как образец нормативного поведения.

Экстерриториальность, субъективизм и свобода индивидуального выбора, в том числе и в гендерном плане, в общем нормативном контексте Германии не только предсказуемо определяют идеологию потребления, которая оказалась бы невозможна в традиционном неатомизированном сообществе, но и обрекают любое другое общество, находящееся вне общепризнанного контекста, на ненормативность, ненормальность и даже враждебность. Можно утверждать, что так как функция информирования в современном мире вторична и, более того, информация становится необходима только как повод (так называемый инфоповод) для осуществления необходимого воздействия, то одной из базовых функций современных СМИ является поддержание нормативного контекста, т.е. социализации в рамках существующих норм [19]. Реакция на инфовоздействие может быть положительной, нулевой или протестной [20], но главное, эта информация должна соотноситься с контекстом нормы. Невозможно внушить как отдельному человеку, так и целой группе нечто, что никак не укладывается в актуальный нормативный контекст. И наоборот, если инфоповод соответствует нормативному контексту, он может быть даже фейковым, т.к. эмпатию реципиента (и последующую положительную ментализацию инфоповода) предопределяет причастность общему нормативному контексту.

Литература/References

1. Autoren erzählen: Heinrich Böll. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZhWXP-PTLHY> (27.01.2021).
2. Bredow R. Das wahre Geschlecht // Der Spiegel 30/2000. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/d-16961411.html> (20.01.2021).
3. Die Reichsflagge: Was ist das? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2rjklhH5Me8&t=44s> (30.01.2021).
4. Djahangard S., Ziegler J.-P. Fragt mal was anderes! // DIE ZEIT. 2017. 24 Mai (Nr. 22). URL: <https://www.zeit.de/2017/22/diskriminierung-herkunft-migration-frage> (25.01.2021).
5. Hein J. Herr Jensen steigt aus. Roman. München; Zürich: Piper, 2006.
6. Hoppe R. Gruß aus der Küche // Der Spiegel. 2012. Nr. 48. URL: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/89801846> (22.01.2021).
7. Kurbjuweit D. Kinder der Stille // Der Spiegel. 2014. Nr. 46. URL: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/130223296> (22.01.2021).
8. Meier K. Journalistik. München: Konstanz, 2013.
9. Proteste gegen Sexualkunde. Wer sind die "besorgten Eltern"? // Spiegel Panorama. 2015. 12 Feb. URL: <https://www.spiegel.de/lebenundlernen/schule/besorgte-eltern-und-ihr-seltsamer-protest-gegen-sexualkundeunterricht-a-1017578.html> (25.01.2021).
10. Schneider W. Harmloser Sonderling // Neue Züricher Zeitung. 2006. 16 Dez. URL: <https://www.nzz.ch/article/ECXGY-1.83643#register> (25.01.2021).
11. Schulte L. Ein drittes Land Konrad. Das Sprachlustmagazin. DUDEN, 30.08.2018.
12. Sußebach H. Wo kommst du eigentlich her? // DIE ZEIT. 2017. 11 Mai (Nr. 20). URL: <https://www.zeit.de/2017/20/rassismus-identitaet-integration-hautfarbe-herkunft> (25.01.2021).
13. Treisman D. The return: Russia's journey from Gorbachev to Medvedev. New York, 2011.
14. Urteil: Eltern müssen Sexualkunde in Grundschule hinnehmen // PRO: Christliches Medienmagazin. 2018. 19 Jan. URL: <https://www.pro-medienmagazin.de/paedagogik/2018/01/19/eltern-muessen-sexualkunde-in-grundschule-hinnehmen> (25.01.2021).
15. Warum Eltern keine sexuelle Vielfalt im Lehrplan dulden? // Focus Online. 2014. 17 Okt. URL: https://www.focus.de/familie/schule/neue-protestwelle-rolt-an-warum-eltern-keine-sexuelle-vielfalt-im-lehrplan-wollen_id_4209449.html (25.01.2021).
16. Weiler J. Im Reich der Pubertiere. Hamburg, 2016.
17. Wir geben nicht auf! // AfD Alternative für Deutschland Lied. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xJYUWYZLlkW> (26.01.2021).
18. В Германии за отказ посылать школьников на уроки по половому воспитанию родителям грозит тюрьма // Первый канал. 2014. 25 сентября. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-09-25/33817-v_germanii_za_otkaz_posylat_shkolnikov_na_uroki_po_polovomu_vospitaniyu_roditelyam_grozit_tjurma (20.01.2021).
19. В Германии за отказ посылать школьников на уроки по половому воспитанию родителям грозит тюрьма // Первый канал. 2014. 25 сентября. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-09-25/33817-v_germanii_za_otkaz_posylat_shkolnikov_na_uroki_po_polovomu_vospitaniyu_roditelyam_grozit_tjurma (20.01.2021).
19. Жизневский И.Б. Механизмы влияния средств массовой информации: приемы информационных воздействий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-vliyaniya-sredstv-massovoy-informatsii-priemy-informatsionnyh-vozdeystviy/viewer> (26.01.2021).

Zhiznevsky I.B. Mekhanizmy vliianiia sredstv massovoi informatsii: priemy informatsionnykh vozdeistvii. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-vliyaniya-sredstv-massovoy-informatsii-priemy-informatsionnykh-vozdeystviy/viewer> (26.01.2021).

20. *Задорин И.В.* Информационное воздействие СМИ и изменение электоральных ориентаций: анализ зависимости. М., 2000.

Zadorin I.V. Informatsionnoe vozdeistvie SMI i izmenenie elektoral'nykh orientatsii: analiz zavisimosti. Moscow, 2000.

21. *Слесарев А.Г.* Актуализация свободы в национальном культурном контексте (к вопросу о русско-немецких соответствиях) // Сборник статей XVIII Международной конференции «Россия и Запад: диалог культур», 23–24 июня 2016 г. Вып. 18, ч. II. М., 2016.

Slesarev, A.G. Aktualizatsiia svobody v natsional'nom kul'turnom kontekste (k voprosu o rusско-nemetskikh sootvetstviakh) // Sbornik statey XVIII Mezhdunarodnoi konferentsii "Rossiia i Zapad: dialog kul'tur", 23–24 iunია 2016 g. Вып. 18, ch. II. Moscow, 2016.

22. *Харари Ю.Н.* Sapiens: краткая история человечества. М., 2016. *Kharari Ju.N.* Sapiens: kratkaia istoriia chelovechestva. Moscow, 2016.

Слесарев Алексей Георгиевич,
кандидат филологических наук,
факультет журналистики
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова

Slesarev Alexey G.,
Candidate of Philology,
Faculty of Journalism
Lomonosov Moscow State University

e-mail: alexej_slessarew@mail.ru

